

ЮКИО
МИСИМА

Игры зверей

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
М 65

Yukio Mishima
KEMONO NO TAWAMURE
Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1961
All rights reserved

Перевод с японского Сергея Логачева
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-30478-9

© С. И. Логачев, перевод, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Трудно представить, что эта фотография сделана за несколько дней до того злосчастного инцидента. На ней у всех троих счастливые, радостные лица. Лица людей, доверяющих друг другу. По-другому не скажешь. Фотографию сразу подарили настоятелю храма Тайсэндзи, и он до сих пор бережно хранит этот клочок картона.

Иппэй Кусакадо в белой в крапинку *юкате*¹, Юко в белом платье и Кодзи в белой рубашке поло и белых брюках стоят на причале у склада, где хранятся такелаж и снасти; они стоят под жарким летним солнцем, и на воду ложатся их тени. На фоне сияющей белизны рельефно выделяются лишь загорелые лица; снимок четкий, хотя кадр чуть размыт — немного сбился фокус. Впрочем, это неудивительно: они попросили лодочника сфотографировать их, и тот сделал снимок с борта своей мелкой посудины, а какой бы спокойной ни была вода, лодка все равно слегка покачивалась на волнах.

¹ *Юката* — легкое летнее кимоно. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Дело было в западной части Идзу¹, в маленьком рыбацком порту Иро, расположенном на восточном берегу глубокого залива. На западной стороне залив, примыкая к горам, раскинул в стороны похожие на щупальца рукава, окруженные каменной твердью. В порту была своя маленькая верфь, цистерны для горючего и два три склада, где хранились сети и рыболовные снасти. По суше сюда было не попасть, поэтому от верфи до цистерн и от цистерн до складов местным жителям приходилось добираться на лодках.

Трое отчалили из гавани на маленькой лодке, и пирс, на который они взобрались, чтобы сфотографироваться, принадлежал одному из складов.

— Вон там будет идеально! Давайте там!

Юко стояла в лодке, пристроив на плече зонтик от солнца. Она уже выбрала место для съемки и издали отдавала распоряжения.

Был август, рыболовный сезон заканчивался; многие рыбаки уже перебирались к берегам Хоккайдо и побережью Санрику для лова сайры, поэтому за последнюю неделю лодок и баркасов в порту заметно поубавилось. Небольшой залив сразу стал как-то просторнее.

Уехали не только рыбаки. И Киёси, которому дали отпуск в силах самообороны, и Кими,

¹ *Идзу* — полуостров на тихоокеанском побережье острова Хонсю, на востоке префектуры Сидзуока.

работавшая на фабрике музыкальных инструментов компании «Тэйкоку гакки», последовали примеру Мацукити, отправившегося ловить сайру, покинули родные места и вернулись в Хамамацу. Короткие летние романы закончились, и новая гавайская гитара с вырезанной на ней английской надписью, должно быть, сейчас лежала на коленях сидящего в казарме Киёси.

Кодзи протянул Иппэю руку, помог ему вылезти из лодки, и все трое забрались на причал, как будто нарушив своим вторжением хрупкий порядок, сложившийся на этой полоске бетона, выбеленной знойным солнцем уходящего лета, тонкий поэтический ландшафт, непривычный к человеческому присутствию.

Перед складским строением на бамбуковых стойках были небрежно развешены для просушки рыболовные сети — они удачно обрамляли пейзаж. Здесь же лежали мачта и смотанные швартовочные канаты. Вокруг царило спокойствие, навеявая воспоминания о морских прогулках и отдыхе после тяжелых трудов. Тихое дыхание ласкового бриза в солнечных лучах, выкрашенная в голубой цвет большая дверь склада, густые заросли высокой травы между складами, ниточки паутины между стеблями, белые цветы дикой хризантемы, пробившиеся сквозь трещины в бетонных плитах. Рыжие от ржавчины железки, ржавая проволока, крышка от садка для рыб, лесенка...

Царила пугающая тишина; трое стояли и смотрели на поверхность моря, где отражались безмятежные облака и горы. Около причала, где вода была особенно прозрачной, отчетливо виднелась стайка мелких рыбешек, шнырявших среди бледных водорослей, а у самого берега дробились на тысячи осколков силуэты белых летних облаков.

Юко переступала по разложенным на земле сетям и вдруг остановилась, заметив похождение на кровь брызги на ослепительно сверкавшем на солнце бетоне. Кодзи тут же заявил:

— А, это красная охра. Красили что-то, вот и набрызгали.

Когда дрожащая тень от зонтика в руке Юко надвинулась на капли, они сразу почернели.

— Давайте здесь.

Кодзи, самый молодой из них, взялся руководить и поставил Иппэя и Юко перед первым складом. Юко пожаловалась, что за сетями их будет видно только по пояс.

— Вот и хорошо, — отрезал Кодзи. — Для художественности так и надо. Будем как три рыбки, попавшиеся в сети.

С этими словами он снял с плеча фотоаппарат и принялся его настраивать.

Он прав, подумала Юко. Три рыбки, угодившие в сети греха.

Иппэй, как всегда, повиновался и с неизменной улыбкой встал на свое место.

Ему исполнилось сорок. Лицо у него было худое, но с правильными чертами, со здоровой, гладкой и блестящей кожей. При ходьбе Иппэй прихрамывал на правую ногу, а медлительные и неловкие движения порой придавали ему утонченно-элегантный вид. Своей ухоженностью он целиком был обязан заботе и стараниям жены, Юко. Приглядевшись, можно было заметить, что свою вечную улыбку он носит как-то рассеянно, будто постоянно чем-то озадачен. Несмотря на неусыпный контроль жены, *юката* и пояс на Иппэе висели так, словно того и гляди свалятся к ногам. И не потому, что Иппэй не привык к такой одежде. Создавалось впечатление, будто тело и *юката* существуют как бы сами по себе, отдельно друг от друга.

Поддерживая мужа под руку, Юко повернулась к камере, к слепящему солнцу. Под его прямыми лучами ее лицо утратило подвижность и теперь походило на пустую и прозрачную поверхность зеркала.

Округлое, с красивыми чертами лицо Юко лишь немного портили тонкие губы. Любые страдания она умела скрыть легким макияжем, но при этом казалось, будто она, силясь глотнуть воздуха, изо рта извергает тихое, невидимое пламя — ну когда же кончится это мучение?! Одним словом, она не создана была молча терпеть пытку. Ее большие влажные глаза, пухлые щеки, нежные мочки ушей и даже слегка задумчивая улыбка, когда она отвечала Кодзи, — все свидетельствовало о душевных муках. Тем не менее Юко вовсе не выглядела усталой — ее невероятной стойкости и выдержке можно было позавидовать.

— Еще не готово? — поинтересовалась Юко, складывая зонтик. Она произнесла это грудным чувственным голосом, вызывавшим в воображении образ маленькой комнаты, пропитанной запахом перестоявших цветов.

Кодзи протянул руку, передал фотоаппарат старому Тэйдзиро, стоявшему в лодке, объяснил, как устанавливать выдержку. Загорелый дочерна Тэйдзиро в одних трусах до колен и с головой, обмотанной полотенцем, уткнулся в видоискатель с таким видом, будто высматривал рыбу в прозрачном стеклянном аквариуме.

Кодзи проворно подскочил к стоявшей перед складом паре, пристроился рядом с Юко и, как будто так и надо, приобнял ее за гладкое плечо. Она столь же естественным жестом взяла правую руку мужа, застывшего слева от нее, и положила себе на другое плечо.

— Какой яркий свет, прямо ослепляет, — проговорил Кодзи. — Еще чуть-чуть.

— Ну да, еще чуть-чуть, — проворковала Юко, стараясь не засмеяться и удержать выражение лица, приготовленное для фотоснимка. А потом добавила, едва приоткрывая тонкие губы: — Было бы здорово так же и могилы устроить — три рядом...

Двое мужчин не ответили — видимо, не слышали, что она сказала.

Внизу, у причала, Тэйдзиро все еще тщательно готовился к съемке. Стараясь не раскачивать лодку, старый рыбак крепко упирался ногами в ее дно; мышцы на его плечах бугрились и блестели в лучах солнца.

Несмотря на тишину, плеск воды гармонично вплетался в воздух, и трое на причале не слышали щелчков затвора.

Иро — типичная рыбацкая деревушка, но на востоке, ближе к горам, простираются возделанные поля. Если пройти мимо почты, ряды домов вскоре кончатся и дорога через рисовые поля приведет к деревенскому святилищу. А если повернуть направо, поднимешься напрямиком к новому кладбищу на горном склоне.

У подножия горы струится ручеек, а за ним начинается лабиринт могил, достигающий середины склона. Чем ниже по склону, тем лучше надгробия — и камни больше, и обустроены захоронения красивее. Здесь дорога превращается в узкую, посыпанную галькой тропинку, которая, петляя между могилами, тянется вверх. Каменная стена перед рядами могил начала осыпаться, в щелях между обвалившимися камнями прочно укоренились летние травы. На горячем булыжнике, расправив сухие крылья, музейным экспонатом застыла стрекоза. В воздухе пахнет чем-то похожим на лекарства. Вместо бамбуковых и каменных ваз в этих краях используют наполовину зарытые в землю пивные банки; во-

да в них помутнела, во многих торчат засохшие ветки бадьяна.

Человек, который поднимется сюда до заката, не испугавшись туч комаров, будет вознагражден замечательным видом на Иро.

За зелеными рисовыми полями виден храм Тайсэндзи. Дальше, на южном склоне горы, мерцают в лучах заходящего солнца остатки стекол заброшенных теплиц, принадлежавших семье Кусакадо. Чуть в стороне виднеется черепичная крыша их опустевшего дома.

На западе мимо маяка ползет по заливу черный силуэт небольшого грузового судна. Видимо, оно следует из Осаки, везет железную руду из шахт Тои и сделает остановку в порту Иро. Его мачта бесшумно проплывает мимо крыш домов; в рассеянном вечернем свечении она ярче, чем луч маяка, и отсюда, с высоты, видна лишь эта узкая полоска.

Из домов отчетливо слышны звуки работающего телевизора. Из громкоговорителя рыболовецкого кооператива по горному склону разносится голос: «Членам команды „Кокура-мару“! Всем собраться завтра после завтрака. Готовимся к отплытию».

О приближении ночи можно судить по лучу маяка, который с каждой минутой сияет все ярче. В сумерках надписи на надгробиях почти не разобрать. Захоронение семьи Кусакадо, затерявшееся в углу кладбища среди других могил, отыскать нелегко. Вопреки протестам

большинства жителей деревни настоятель храма Тайсэндзи на вверенные ему деньги соорудил такие надгробия, о каких его попросили. В маленьком углублении на склоне горы тесно прижались друг к другу три небольших новых камня. Справа похоронен Иппэй. Слева — Кодзи. И в центре между ними — надгробие Юко. Даже в сумерках оно выглядит нарядно — на камне киноварью написано ее посмертное буддийское имя. Под этим камнем, в отличие от двух других, прах пока не лежит.

Краска еще свежая, и, когда спускаются сумерки, на фоне множества белых могил выделяется только эта надпись, напоминающая о яркой помаде на тонких губах Юко.

Глава первая

Кодзи размышлял о солнечном свете, яркие лучи которого заливали проход к душевым кабинам, каскадом падали на подоконник, растекаясь по нему, как по листу глянцевой белой бумаги. Он с почтением и любовью относился к льющемуся через окно свету, хотя сам не знал, чем вызвано это чувство. Свет — божественное благоволение, нечто по-настоящему чистое, девственное, как расчлененное белое тело убитого младенца.

Лето только начиналось. Облокотившись на парапет верхней палубы, Кодзи удивлялся, что благодатные лучи утреннего солнца, в которых купалось его тело, в это же мгновение где-то далеко-далеко сливаются со слабым светом его разрозненных возвышенных воспоминаний. Трудно поверить, что и те и другие лучи состоят из одного вещества.

Способен ли взгляд, проследовав за этими всепроникающими лучами, дотянуться до их чистейших кончиков, подобно тому как рука, что тянется к большому сияющему знамени, в конце концов касается кончиками пальцев его

прохладной бахромы? И если способен, являются ли эти чистые кончики конечной точкой солнечных лучей? Или же на самом деле они — далекий источник неиссякаемого солнечного света у нас перед глазами?

Кодзи стоял на борту «Рюгу-мару № 20», следовавшего вдоль западного берега из Нумадзу до Идзу. На верхней палубе спинками друг к другу стояли скамейки, пассажиров было мало, брезентовый тент, защищавший от солнца, хлопал на ветру. На берегу высились причудливой формы скалы, похожие на черные средневековые замки, высоко в небе беспорядочно сновали яркие кучевые облака.

Волосы Кодзи еще не отросли настолько, чтобы их потревожил настойчивый ветер. Его облик — лицо с правильными и твердыми чертами, подобное лицу средневекового самурая, и хрящеватый нос — свидетельствовал о том, что он умеет без труда контролировать эмоции, и в то же время указывал на скрытную натуру. Когда Кодзи пребывал в хорошем расположении духа, он думал, что его лицо похоже на искусно сделанную резную деревянную маску.

Дымившаяся сигарета не доставляла особого удовольствия. Ветер сразу уносил аромат дыма и вкус табака. Но Кодзи не выпускал сигарету изо рта и продолжал глубоко затягиваться, пока окончательно не перестал что-либо чувствовать, а в затылке не появилась странная горькая ломота. Он сам не знал, сколько сигарет выкурил

с тех пор, как в девять тридцать утра судно вышло из Нумадзу.

Кодзи не переносил качку, волнение сверкающего на солнце моря. Для его непривычного взора обширная картина окружающего мира была лишь расплывчатой чередой разрозненных, ослепительно сияющих объектов. Кодзи вновь обратился мыслями к зрелищу проникавшего через окно света.

Рассеченный свет. Нет более жестокого и трагического зрелища, чем чудесный, удивительный солнечный свет, расчлененный крестом черной решетки.

Кодзи любил солнечный свет, но когда, затертый в плотной толпе, быстро шагал вместе с людской массой, ему было не до света и он ничего не замечал. Впереди была баня, перед которой выстраивалась очередь. Каждые три минуты изнутри доносился унылый гудок, сопровождавшийся громким шумом воды. Плеск тяжелых мутных струй, эхом отражавшийся в ушах, рисовал в воображении живую картину вытекающего из бани грязного, цвета мертвой листвы, потока.

На полу перед входом в просторную раздевалку зеленой краской были нарисованы цифры от одного до двенадцати. Двадцать четыре человека выстраивались по номерам в две шеренги и ждали своей очереди. Три минуты, гудок. Шум воды. Несколько секунд тишины, затем новый звук — кто-то поскользывается и падает

на мокром полу, взрыв смеха, который тут же стихает. Три минуты, гудок... Люди в очереди дружно раздевались и, сложив одежду на полки, проходили вперед, становились в два ряда по номерам, выведенным желтой краской перед входом в баню.

Кодзи заметил, что его босые ступни помещаются точно в круге нарисованного порядкового номера. Те, кто стоял здесь тремя минутами раньше, уже погрузились в ванну. Клубы пара из бани обволакивали обнаженное тело Кодзи. Он видел мышцы под грудиной, скудно покрытые растительностью, плоский живот, а под ним — свой поникший срам в пучке густых и темных спутанных волос. Вялый, поникший, он напоминал дохлую крысу, запутавшуюся в мусоре застойного ручья. Кодзи думал: «Я собрал в себе стыд и бесчестие этого мира, подобно тому как линза фокусирует в одной точке солнечные лучи, и приобрел этот грязный пучок».

Перед ним маячила чья-то безобразная задница. Голая спина и задница. Уродливые, прыщавые спины и задницы заслонили ему мир. И эта дверь не открывалась. Дверь, откуда разило вонючим невымытым мясом, не открывалась.

Три минуты, гудок. Шум воды. Спины и задницы зашевелились в облаке водяного пара, двигаясь как единое целое, и прыгнули в огромную ванну, длинную и узкую. Погрузившись по горло в теплую, дурно пахнущую мутную воду, люди устали на песочные часы на столе

надзирателя. Тоненькая струйка песчинок, отмерявшая три минуты, то исчезала, то вновь появлялась в клубах пара. Ванна, помывка, опять ванна и на выход... Около таблички с надписью «Баня» тускло светила красная лампочка.

Кодзи хорошо запомнил эти часы. Вместе с запахом вязкой воды, облотившей его тело, он вспоминал водопад из сухих песчинок, струившихся в банном пару. Его завораживало странное спокойствие, с которым песчинки сыпались через тонкое стеклянное горлышко, подтачивая себя изнутри. Двадцать четыре коротко остриженные головы в грязной воде. Суровые взгляды. Суровые влажные глаза, похожие на звериные. Вот как оно было. Среди незначительных мелочей, которыми человек окружен в тюрьме, было нечто, обладавшее загадочной чистотой и святостью. В том числе и эти песочные часы.

Песок кончился. Надзиратель нажал на кнопку, и снова раздался гудок. Все такой же тоскливый и безрадостный. Заключенные все вместе выбрались из ванны и встали на решетчатый настил. В этом гудке никакой святостью и не пахло.

Мисима Ю.

М 65 Игры зверей : роман / Юкио Мисима ; пер. с яп. С. Логачева. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 240 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-30478-9

Напыщенный литературный авторитет, напрочь лишенный и совести, и чувства меры; его измученная и гордая жена, которой он приносит одно горе; влюбленный в нее юноша, угодивший в эпицентр бесконечной и безысходной семейной катастрофы. Треугольник — самая устойчивая конструкция и самая опасная. Любовь, ревность, манипуляции, чувство долга, пороки и упрямое, хотя и тщетное стремление к добродетели — таковы игры зверей во власти судьбы. Пострадают все, выхода нет и не будет, от судьбы не уйти. После тебя останется только предание, которое настоятель деревенского храма перескажет на твоей могиле заезжему фольклористу.

Юкио Мисима (1925–1970) — звезда литературы XX века, самый читаемый в мире японский автор, обладатель блистательного таланта, прославившийся как своими работами широчайшего диапазона и разнообразия жанров (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и ошеломительной биографией (одержимость бодибилдингом, крайне правые политические взгляды, хакари после неудачной попытки монархического переворота). «Игры зверей» — роман его среднего, зрелого периода, глубоко психологичное, порою горько-сатирическое переосмысление классического сюжета театра но, история о единении истерзанных душ и о невозможности вырваться из порочного круга любви и насилия.

УДК 821.521

ББК 84(5Япо)-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ЮКИО МИСИМА
ИГРЫ ЗВЕРЕЙ

Ответственный редактор Мадина Долаева
Редактор Екатерина Весна
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валентина Гончар, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.08.2025.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 10,58. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның
сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д. 36Б.

Y-BAK-39648-01-R